

Сергей Шумский

ДВА ТОВАРИЦА

Повесть

Последний заказчик рассчитался наличкой. Выгреб на стол из сейфа целую гору денег, часть была в банковской упаковке, часть навалом. Иван заглянул в пустой сейф: «Да, бумажек покрупнее нет». Хозяин кабинета развёл руками:

– Ну, извините, ребята, не специально. Должны были деньги на счёт упасть, задержка какая-то. Подождёте? Я вам сразу их на карточки перегоню.

Иван вздохнул:

– Поезд у нас сегодня.

Коля удивился спокойному тону своего товарища: «Что-то с ним не так сегодня, с самого утра он какой-то приторможенный», а вслух сказал, обращаясь к Ивану, но так, чтобы и заказчик услышал.

– Пусть он их хоть на крупные поменяет, тут же почти одни пятихатки и сотенные!

– Поменять, конечно, можно. Только делать это придётся небольшими суммами, в банках сейчас с этим строго. За сегодня я не успею.

Стало ясно, что заказчик решил рассчитаться с ними неучтёнными деньгами, с которыми, конечно, лучше лишний раз не светиться в банке.

– Ну? – Иван посмотрел на своих.

– Я в вашу Европу не тороплюсь, можно и подождать, – Коля попытался уйти от прямого ответа.

– Ты чего?! Нельзя заказ в Братиславе терять! – влез в разговор Денис.

– Ух, как ты деньги любишь, – в голосе Коли явно слышалось презрение.

– Вам хорошо бесребрениками быть. Вы сами по себе. А у меня семья, кредиты.

Иван дослушал эту мелкую перебранку и коротко уронил:

– Берём.

Деньги положили в армейский вещмешок Ивана, никуда больше они бы и не вошли. Мешок был сильно потрёпанный, но Иван его очень любил. Говорил, что солдатский вещевого мешок – мера вещей, в него входит всё, что человеку нужно. И действительно, даже в самые долгие командировки Иван отпирался с одним этим мешком в то время как у Коли была внушительного размера сумка на колёсиках, а у Дениса даже и две, правда, одна из них была занята тестерами, адаптерами переходниками, наборами инструментов, ноутбуком и прочими нужными ему для работы вещами – он был «электронный мозг» их небольшой бригады. Вещи Ивана сложили в багаж Коли, Денис завтра откалывался от группы на день-другой, зачем лишний раз перебирать барахло.

Вещмешок оказался набит деньгами почти под завязку. С заказчиком попрощались без обид.

– Координаты мои у вас есть, будет работа, звоните, – пожал ему руку Иван.

До поезда оставалось несколько часов, как раз, чтобы неторопливо выпить и хорошо закусить – отправились в ресторан. С середины обеда стало заметно, что Денис нервничает. Иван с Колей дождались, когда тот уже начал ёрзать на стуле.

– Ну, спрашивай уже, – подтолкнул его Коля.

Краснея, Денис выдавил:

– А, это, деньги-то, когда делить будем?

– Ну, не здесь же, Денис. Сядем в поезд, мы с Колей ляжем отдыхать, а ты будешь дневальным. Вот тогда деньги и поделишь в спокойной обстановке.

На шутку про дневалить всю ночь Денис не обиделся. Небольшая это плата за подарок судьбы – от Риги до дома ему рукой подать, он уже завтра ночью, а может, даже вечером увидит своих, побудет с ними хоть сколько-то, ребята же будут болтаться в чужом городе по кабакам и гостиницам. А Денису реально повезло, могли бы ведь сразу в Словакию поехать, но понадобилось утрясти какие-то детали с договором по работе в Братиславе, а заказ на неё поступил от кого-то из Риги. Детали утрясать будет Иван, Коля с Денисом тут мало что могут посоветовать. Денис позвал Колю в гости, но тот отказался: «Вдруг Ивану помощь потребуется? Да и в Риге я ни разу не был, интересно посмотреть, что за город». Денис признался себе, что

этот отказ его обрадовал – не придётся разрываться между семьёй и гостем.

Иван, узнав, что придётся заглянуть в Ригу, даже и обрадовался. Достал старую записную книжку, нашёл нужную страницу и распустил пышные усы в широкой улыбке: «Сейчас позвонить или сюрприз сделать?»

Коля немного завидовал, что у Ивана в любом городе находились знакомые женщины. Не так, знакомых по жизни и у самого Коли было достаточно из самых разных мест, но он и телефонами с ними редко когда обменивался, а, чтобы звонить – этого не бывало: она меня уж и не вспомнит, чего и звонить, навязываться. Это он так другим говорил, да и себя так пытался обманывать. На самом же деле был однолюбом, как встретил свою «большую белую женщину», так и пропал для всех других женщин. И теперь бы рванул он к ней на Урал, хоть на день, хоть на час да только крепко они поругались в последнюю встречу. И женщина была права в том их споре-ругани, и он был прав. А чтобы помириться, кто-то из них должен отказаться от своей правды. Коля знал, что отказаться должен он – перестать, наконец, мотаться по белу свету и осесть рядом с любимой, гнездо семейное вить. Она-то никак от своей правды не откажется – не будет же она, прекрасная большая белая учительница русского языка и литературы летать с ним по командировкам. Не будет.

У Ивана отношения с женщинами складывались по-другому. И не скажешь, что он всех своих знакомых с новым годом или 8 марта поздравляет, а вот, когда понадобится – позвонит и как-то так поговорит, что почти каждая признаётся ему, что помнит, любит и ждёт.

– А эту как зовут? – спросил Коля Ивана.

– Люция, – глаза Ивана заблестели, а улыбка стала ещё шире.

– Француженка или испанка какая?

– Какая француженка, какая испанка, Николай! – Денис был заметно моложе почти ровесников Ивана и Коли и обращался к ним по полным именам. – Люциями своих дочерей называют католики в Польше и Германии.

– Ну, не знаю я этих ваших европейских тонкостей. Так кто она, Иван?

– Польша.

Но это было в день, когда они узнали, что надо ехать в Ригу. А сегодня, за несколько часов до поезда, который везёт его к Люции, Иван не только не вспоминал о женщине, он, и всегда-то не любивший много говорить, был замкнут, иногда морщился, даже будто вздрагивал словно от боли.

В магазине, перед поездом, Коля определился в своих наблюдениях за Иваном: «Что-то с ним не так. Вон и водки взял лишнего». Спросить прямо, что с ним случилось, Коля и не подумал, они никогда не лезли друг другу в души, может, поэтому и сблизились, ценили друг друга за умение не задавать лишних вопросов.

Проводница вагона была хоть и правильных черт женщина, однако в чём-то едва уловимо мужиковатая, холодно-вежливая, с неприятным голосом.

– Кипяток в титане уже есть, хозяйка?

– Я смогу принести вам чай через час после отправления поезда.

– Однако! Какая точность!

– Вы нас не поняли, мы не пьём ваш пакетный чай, сами заварим. Кипяток уже есть?

– Ещё нет, я сообщу вам, когда он будет готов. Проходите в вагон!

Часа через полтора она действительно постучала в купе сообщить о кипятке. Коля аккуратно приоткрыл дверь, чтобы из коридора не было видно уставленного бутылками и закуской столика, не сразу понял, что она хочет:

– А! Нет, чаю мы уже не хотим, спасибо, не беспокойте нас.

Проводница заподозрила, что «азиаты выпивают» и решила, при первой возможности вызвать полицию.

Денис, не дожидаясь застолья, забрался на верхнюю полку с намерением хорошо выспаться, чтобы попасть к жене свежим, но его разбудила своим стуком проводница, а потом он невольно заслушался разговором коллег. Они почти никогда при нём не говорили о своём прошлом, но по обрывкам услышанных реплик, по географии, которая иногда звучала, по отдельным словам – жаргонным или специальным – Денис догадывался, что мужики где-то с кем-то когда-то и за что-то воевали, и, кажется, много. Иван и Коля не скрывали своё прошлое от Дениса, просто прошлое было настолько близко, настолько в памяти, что

говорить о нём подробно было без надобности. Иногда прошлое само прорывалось в сегодняшний день. Как вот теперь.

Иван зачастил с порциями, но водка помогала мало. Когда по его лицу пробежала явная гримаса боли, Коля, наконец, спросил:

– Иван, что с тобой?

– Нога. Что-то болит под коленкой. Дёргает прямо до мозгов.

– Ну-ка покажи!

– Да что ты там увидишь, это внутри.

– И когда это началось?

– Вчера, пожалуй.

– Так надо было сегодня в городе в больничку зайти!

– Я думал пройдёт, сначала просто тянуло, теперь стреляет.

– Давай всё же посмотрим.

Кожа под коленкой покраснела, но никакого нарыва, никакой ранки, даже самой маленькой Коля не разглядел. А вот опухоль была уже явно заметна, кожа на ней растянулась, стали заметны пятнышки старых мелких шрамов.

– А шрамы эти откуда? Я не помню этого твоего ранения.

– Это ещё до тебя. Серьёзное дело было, но обошлось, мы все живыми выскочили, меня вот только посекло немного.

– Не пойму, дробь, что ли?!

– Та нет. Бармалей меня заметил, я за какую-то херню у стены Дворца укрылся. Стена из гранита была. Дождался, пока он в мою сторону весь рожок выпустит, и тогда уж снял его. Осколки гранита, который он вокруг меня крошил, кожу мне немного и продырявили. Но они неглубоко вошли.

– А может, какой глубоко попал. И сейчас наружу запросился.

– Может.

– Сам не выйдет, резать надо. Эх, Серёга бы сейчас вмиг всё устроил, – произнёс Коля и осёкся. Говорить с Иваном о Серёге – запретная тема. Ну, не запретная, а очень, очень деликатная, не надо было ему вспоминать про третьего их боевого товарища. Коля посмотрел на Ивана и увидел, как у того в глазах прибавилось влаги – от боли или от разбухшей его словами памяти их последнего рейда?

– Давай за него выпьем, – сказал Иван, откинулся назад и увидел Дениса, о котором он совсем забыл. – Дневальный, спускайся к столу, помяни с нами хорошего нашего товарища.

– Слазь, слазь, – позвал его и Коля, разливая водку.

Денис понял, что отказываться нельзя, прыгнул сверху с мыслью «Выпью чуть и спать».

– Ты помнишь, что ты сегодня инкассатор? – спросил его Коля. – Мы посидим немного, ты потом приберёшь на столе и деньги поделаешь, утром раздашь нам наши доли.

Выпили не чокаясь, Иван коротко уронил: «За тех, кого уже с нами нет». Пока Денис соображал, сколько минуток ему из вежливости надо посидеть за столом, Коля налил ещё, потом закусывали, потом Денис невольно заслушался разговором и остался за столом надолго. Он потом не смог вспомнить, как надолго. А в памяти чётко остались только отдельные детали. Например, о том, что Сергей был каким-то прирождённым лекарем, даже курсов армейских санинструкторов не проходил, но по какому-то природному чутью мог усиками от чеки гранаты ловко наложить скобы на рваную рану. И крошку гранитную он из ноги Ивана выковыривал штык-ножом.

– Обыкновенным штык-ножом? – не поверил или удивился Денис.

– Нет, Денис, у нас были необыкновенные штык-ножи.

– Что значит – необыкновенные?

Иван закрыл глаза, скрипнул зубами от боли, замолчал. На вопрос Дениса ответил Коля. Штык-нож к автомату Калашникову образца 1947 года недолго был на вооружении, считался неудобным и мало функциональным. Однако некоторые мастера ножевого боя боготворят именно его. Длинный, узкий, обоюдоострый. Ещё одна фишка этого ножа – ножны. Они тоже оружие.

Захмелевший Коля хвастался:

– Вот взяли тебя, разоружили. А ты нож отдай, а ножны оставь, знаешь, какой у них острый конец? Не хуже ножа в тело входит, как в масло.

«Растрепался, – подумал Иван про Колю. – Хотя, знает, о чём говорит». Самого Ивана работать со штыком учил большой мастер, ещё в армии, в последний месяц спецподготовки, когда в учебном центре оставались только те, кто действительно готов «физически и морально» к выполнению разведывательных и диверсионных мероприятий «автономно в самых экстремальных условиях».

А Колю ножевому бою учил уже Иван, когда они сдружились в ЧВК. И был случай, когда эти штык-ножи очень им помогли. Если бы штык-нож висел у них на поясном ремне или где-то

на разгрузке, спасительный фокус мог бы не получиться. Но вложенные в ножны штыки были всунуты в берцы так, что ножны оставались почти незаметными. Бармалеи этот момент не просекли, когда смотрели, как Иван, Серёга и Коля, бросив к их ногам бесполезное уже – за израсходованным полностью боезапасом – оружие, бросили туда же и ножи, ножны же сохранились в ботинках. После этого оставалось только дождаться удобного момента чтобы снять караульных, которые уводили их на свою территорию. Сняли их как раз ножнами. Именно эту историю рассказывал сейчас Денису Коля. Иван не стал его останавливать – было интересно, как тот её закончит. Закончил Коля правильно:

– После того случая мы и стали самыми лучшими друзьями. На всю жизнь.

– А как погиб ваш... – захмелевший Денис решился спросить о судьбе Серёги, за помин души которого он и спустился выпить, но Коля его резко остановил:

– Хватит базарить, что-то ты разговорился, молодой. Наливай лучше!

Иван открыл глаза:

– И тебе хватит базарить, неизвестный герой!

– Ну да, что-то меня понесло, – согласился Коля.

Дальше разговор был простой: «наливай», «поехали», «давай ещё по одной». Простой, но долгий. До конца участвовал в нём и Денис, забывший не только про свою обязанность поделиться общие деньги (да хотя бы и просто их сохранить), но и про своё желание приехать к жене и детям свежим. Денис забылся хмельным сном первый, чуть дольше продержался Коля. Когда пить стало не с кем, Иван собрал, не разбирая, всё со стола, унёс в мусорный контейнер. Ходил он к этому моменту уже заметно приволакивая ногу.

Тяжёлое утро застало их в таком положении: Иван и Коля спали, вытянувшись на своих нижних местах, Денис же заснул сидя, в ногах у Коли, у самой двери в купе. Он так крепко спал, что никак не реагировал на проводницу – ни на её неприятный голос, ни на злые её тычки в бок.

– Господа пассажиры, – обратилась она к Ивану и Коле, которые мгновенно проснулись от звука открываемой двери, но какое-то время делали вид, что спят и с любопытством наблюдали за попытками немолодой и когда-то по-своему красивой женщины разбудить Дениса. – Наш поезд прибыл на станцию

«Рига – Пассажирская», – оставила проводница Дениса и обратилась к его старшим товарищам. – Просыпайтесь и потрудитесь привести в чувство вашего третьего приятеля и покиньте, пожалуйста, вагон. Поскорее!

– Покинем, дорогая, – вполне дружелюбно ответил ей Коля.

– Я вам никакая не «дорогая»!

Коля готов был завестись: мусульманин по рождению и немного по воспитанию, он ожидал пусть показного, но уважения к себе со стороны женщины:

– Да, по тебе видно, что недорого стоишь.

– Что вы имеете в виду? – проводница побледнела и едва удержалась от ругани. Она бы обязательно устроила скандал, да только времени на это у неё совсем не было – позвонила старая тётка и потребовала срочно приехать. Незамужняя и бездетная проводница вынуждена была терпеть вредный характер своей родственницы, которая смотрела за хозяйством во время её поездок. До следующего рейса всего несколько часов, она и вагон привела в полный порядок ночью, чтобы утром только быстренько убрать за пассажирами двух остающихся занятыми до конечной станции купе и метнуться на родной хутор, который она любила больше всего в своей жизни. Сдержалась, стиснула зубы и только выдавила из себя с жутким акцентом. – Вещи свои не забывайте!

Из всех своих вещей троица забыла только одну – вещмешок с зарплатой. Кто-то вчера запихнул-таки деньги в самый дальний угол купе, для сохранности, утром мешок никому не попался на глаза. Они вышли на перрон, остановились, и приходя в себя, неторопливо рассматривали – вокзал, людей, друг друга.

Они едва успели закурить, как дверь вагона резко распахнулась – так, что все трое вздрогнули. Проводница, эта глупая и злая на жизнь хуторянка, со всем возможным презрением кинула к их ногам потрёпанный солдатский вещмешок. В любой другой раз она бы обязательно посмотрела, что в нём оставили пассажиры, но сегодня она очень торопилась, пассажиры, оставившие свой багаж, были ей неприятны, да и что может быть в этом старом дешёвом рюкзаке? Какие-нибудь нечистые носки этих пьяных командированных, а тяжёлый он от того, что в нём лежит водка. Она брезгливо взяла его за лямку, потащила к дверям, радуясь, что ненавистная троица всё ещё топчется рядом с вагоном. Мешок она бросила на платформу сознательно, она уже слышала звон разбитых бутылок:

– Держите своё барахло, босяки!

Всё же женщина себя не сдержала, решила хоть накоротке поругаться с чужаками.

Иван и Коля сначала посмотрели на упавший к их ногам кошелёк, потом на Дениса, который мгновенно побледнел – как он мог забыть про деньги?

– Это залёт, Дзянис, – Коля очень серьёзно смотрел на Дениса, Иван же наклонился к мешку, ловким движением развязал узел и приоткрыл мешок так, что стали видны хранившиеся там в тесноте деньги. У работницы Рижской железной дороги перекосило лицо: «Какого же богатства я лишилась! Я не только свой хутор на эти деньги весь обновила бы, ещё и соседний выкупила, такую пасеку бы завела! и никогда бы больше и близко не подошла к железной дороге!» Горечь от упущенного счастья вырвалась из неё громким шипением:

– У-у, ма-а-ска-али!

«Москали» посмотрели друг на друга и разом громко захохотали. Ни один из них собственно русским не был.

Иван – хохол, да ещё из самых западных, из Закарпатья. От разбавленной кем-то из предков и, скорее всего, не один раз крови похож он был больше то ли на цыгана, то ли на румына. Впрочем, и в Венгрии, и в Чехии, где он когда-то любил бывать, он легко сходил за своего. Но это, пожалуй, не от физического сходства, ведь не мог же он походить сразу на все народы, а от какого-то врождённого умения мгновенно перенимать самые характерные движения и мимику людей, среди которых оказался.

С подростков Иван промышлял контрабандой, граница-то рядом. Помимо контрабандных товаров компания, в которую он попал, не гнушалась и воровством. Иван воровал не для продажи, а от любви к технике. Он специализировался на мотоциклах, успел собрать целую коллекцию. Хвост ему прищепили, когда он угнал коллекционный кроссовый 250-кубовый «Чезет» из первой партии 1962 года. Долго он готовился к тому делу. Всё вроде бы прошло удачно, видел его только знакомый и давно прикормленный прапорщик на пограничном переходе. Иван не успел спросить, из-за чего прапорщик его сдал, надо было срочно делать ноги. Спасибо товарищу отца, не последнему человеку в Ужгороде, шепнул, мол, международный скандал, пусть Ванька бежит из дому, прикрыть его не смогу.

– Куда бежать, отец? Может, в Польшу, я там ничего не брал? Или в Словакию, там у меня есть, у кого остановиться?

– Забудь про Европу, если тебя всерьёз ищут, тебя везде найдут.

– Так куда мне, батя?

– В Россию. Она большая. Всех примет. А если ты её полюбишь, то и согреет.

Иван наскоро простился с родителями, хотел заглянуть к единственной старшей сестре, ни к ней даже, а к маленькому своему племяннику, с которым любил повозиться, но отец отсоветовал – не время сейчас. Иван не думал тогда, что видит отца с матерью в последний раз. А отец, проводив сына, долго сидел в саду, среди роз, которых он высадил так много, что уже и не помнил, сколько у него сортов, сколько кустов. Потом спустился в просторный подвал, пил самое старое своё вино, силился понять, отчего же так незаметно прошли годы? Ведь совсем недавно жена вернулась домой с долгожданным сыном, он взял «цыганёнка» на руки, покачал, подбросил к потолку, «уронил» и подхватил младенца перед самым полом. Новый человек терпеливо вынес суровые ласки отца.

– Придумал имя сыну? – спросила жена.

– Ему Бог имя придумал. Ты ведь родила его в ночь под Ивану Купалу, значит, и быть ему Иваном.

«Свидимся ли ещё, сынок?» Спросил себя постаревший вдруг Богдан и ответил: «Нет. Сердце чувствует, нет».

Так и случилось. Иван колесил по бескрайней России, всё искал, на какое место душа его откликнется. Родители, сначала мать, потом быстро вслед за ней отец умерли, об их смерти Иван узнал не сразу. С украинскими своими документами он вёл себя очень осторожно в России – вдруг его и здесь ищут из-за украденного мотоцикла? На легальное положение он перешёл, когда работал механиком в одной из Магаданских артелей золотодобытчиков. Хозяин артели, который приехал на Колыму ещё из Советской Украины, помог Ивану получить российское гражданство. Только тогда, в первый раз за несколько лет, Иван позвонил домой. Сестра больно упрекнула за то, что брат не был на похоронах родителей. Оправдываться Иван не стал, но сестре с того дня больше не звонил. С российским паспортом в кармане он, было, почувствовал себя спокойнее, однако с гражданством появилась и обязанность перед государством – армейская служба. Армия, в которую он попал в 22 года,

ему понравилась. Разве было немного жаль, что после очень серьёзной подготовки не пришлось толком повоевать – режим контртеррористической операции на Северном Кавказе формально ещё не был отменён, но в горах было уже почти мирно.

После службы Ивана с распростёртыми объятиями взяли в частную военную компанию. Иван звал с собой и Серёгу, лучшего своего друга ещё с учебки, где их натаскивали работать парой «снайпер-наблюдатель». Учителя долго не могли решить, кто же из этих двоих первый номер, а кто второй, кому быть снайпером, кому наблюдателем – настолько равными были у них показатели. Всё решил тест психолога. Психолог сделал вывод: Иван склонен к функциональному восприятию мира, конкретному, Сергей – к целостному, абстрактному. Снайпером стал Иван.

Серёга не соблазнился службой в ЧВК. Сказал, что хочет учиться, а не воевать, да и девушка его ждёт.

...Единственный раз после побега в Россию Иван съездил на родину осенью 2014 года. В отцовском доме жила сестра со своей семьёй. Сестра и обрадовалась встрече с братом, и насторожилась – не станет ли он требовать своей доли от родительского наследства? Иван успокоил: «Живи спокойно, расти детей. Я у тебя никогда ничего не потребую». Перед отъездом собрались за большим столом товарищи, и школьные, и уцелевшие контрабандисты, пришли старшие – ровесники родителей – соседи. Хорошо сидели. Пока Иван не спросил, сначала у стариков-соседей: «Ну что, хохлы, лучше вам без России живётся?» Стол затих. Один только, самый старший ответил: «Какое лучше? Так нас же никто не спрашивал, вместе мы с Россией хотим жить или отдельно». Тут бы и закончить разговор про «политику», но Иван повернулся к друзьям: «Крым вы потеряли, Донбасс потеряли, что дальше будет?» Ситуацию спасла сестра – на Ивана прикрикнула, гостей попросила не начинать ссору и говорила долго про свои заботы, про умницу сына, который уже помогает отцу вести бизнес, про погоду и виды на урожай. Гости быстро разошлись.

Тепло тогда Иван попрощался только с племянником. За несколько дней, которые он провёл на родине, подросток к нему сильно привязался, сестра на дружбу радовалась, а отцу пацана это не нравилось. Иван ничего особенного не делал, чтобы племянник так к нему прилип. Показывал ему свои любимые места в Карпатах, и в эти долгие прогулки они много говорили. Иван

был с парнем откровенным, не отмахивался от его вопросов, серьёзно и бережно разбирал его сомнения, с которыми тому просто не к кому было идти. При расставании сказал: «Племяш, будет нужна помощь, звони».

С той поездки прошло уже семь лет. Иван, если его кто-то спрашивал об Украине, отвечал односложно: «Нет её больше, пропала страна». После быстрой смерти сестры – сгорела в два месяца от рака – Ивана с родиной связывали только редкие телефонные разговоры со взрослым уже племянником. Тот ни разу не попросил помощи, со звонками не докучал – набирал дядьку два-три раза в год, Иван звонил не чаще. Иван знал, что племянник вполне удачно ведёт дела, в основном контрабандные, но совсем уж откровенных бандитов сторонится, хотел, было, заниматься только легальным бизнесом, но «это теперь у нас делать невозможно». В конце каждого разговора Иван напоминал племяннику: понадобится помощь, скажи мне обязательно.

Похожим образом оказался в России и Коля. Который в общем-то никакой не Коля, а Канатбек. На русский имя трудно перевести. С «беком» понятно, бек – это «властитель», «князь», «господин». А «канат» – это и «крылья птицы» и «плавник рыбы», есть и такое значение – «опора».

Его родители, чистокровные киргизы, но из разных мест (отец с севера страны, мать – с юга) когда-то учились в советском вузе на Урале. Женились они в России, побоявшись, что дома родные не одобряют их решение. Родившегося через положенный срок сына записали в метрике Канатбеком, но звали его русским именем Коля.

Вернувшись на родину, семья выбрала для жизни Фрунзе, который уже стал Бишкеком. Потому что столица республики находится примерно посередине между севером и югом: и родственники обоих не могли упрекнуть молодых в том, что кому-то из родных они симпатизируют больше. При первом президенте Киргизии жили, в общем-то, неплохо. Отец приходился президенту дальним родственником, это немного помогало. Коля окончил школу, отучился в местном университете, благополучно откосил от армии. Спросил у отца, помогут ли ему не пойти в армию родственники из клана президента? Помогут, ответил отец, но за деньги.

Деньги для Коли давно перестали быть проблемой – с 13 лет он очень неплохо зарабатывал. Бегал нагишом по Чуйской долине по зарослям каннабиса, который там растёт с незапамятных времён, и никто его вывести не может – ни перепахиванием полей, ни выжиганием травы пестицидами или огнём. Больше того, наркотическое растение от подобных процедур растёт ещё веселее. Коля не сам по себе бегал по долине, в компании, конечно, и под прикрытием. Набегавшись, сборщики дури скатывали со своей кожи драгоценную смолу, перемешанную с потом, фасовали по спичечным коробкам, которые у них тут же оптом покупали барыги. Можно было и самому сдавать дурь в столице, так было выгоднее, но опаснее. Начав курить, оставлял Коля продукт из сказочной долины и для собственного употребления – забивал иногда косячок, чтобы не тратиться на алкоголь.

Вырученные деньги Коля почти целиком отдавал родителям. Большой ли был заработок? Хорошо побегаешь по сказочной долине – большой. Перед выпускным классом он приобрёл себе роскошный джинсовый костюм – выменял его на спичечный коробок «пластилина».

Под призыв Коля попадал осенью, поэтому без труда набегал в сказочной долине нужную для взятки сумму.

Неизвестно, сколько бы катилась таким привычным образом Колина жизнь и куда в итоге бы докатилась, если бы в Киргизии не начались революции. После первой в 2005 году – революции тюльпанов – жить Колиной семье стало значительно хуже материально и заметно менее безопасно. Но и тут, в новом властном клане, нашлись родственники, уже по линии матери. Совсем, правда, дальние. Как-то притерпелись. А вот через пять лет, после Апрельской революции, жить стало отчётливо плохо. Нет, кому-то, наверняка лучше, но Колиной семье точно хуже, ведь обе условные группировки, которые принято называть кланами и к которым криво-косо, но принадлежала Колина семья, от власти были уже бесконечно далеки. Родители Коли поняли, что революции в их маленьком государстве в 2010 году не закончились и вытолкнули единственного сына в Россию. Конечно, на Урал, который был им дорог: «Держись русских, это надёжный народ». Оказавшись в столице Среднего Урала, Коля сказал себе: «Большой город Екатеринбург, красивый. Да и не чужой мне, родился я здесь. Можно и остаться. Надо получить русское гражданство». Именно так он и говорил – русское гражданство, а не российское. Когда он через дальнюю родственную

связь с первым президентом Киргизии, который после изгнания из президентов осел в Москве, вспомнив, что он учёный, а не политик, Коля получил гражданство России, он и тогда говорил, что он русский гражданин, а не российский.

Жизнь на новой родине понемногу налаживалась, он всерьёз раздумывал, не жениться ли ему на большой белой женщине, соседке по дому, в котором он снимал комнату. Они встречались, но Коля предложения так и не делал. Женщина обижалась, не понимая, что Коля стесняется говорить о браке. Он гол как сокол, идти, как говорят у русских, в примачи, не позволяет гордость кочевника. Чтобы побыстрее подняться, Коля продумывал логистику доставки товара из Чуйской долины в Екатеринбург. Он почти всё рассчитал, обновил свои старые знакомства в Киргизии, обзавёлся новыми в России, но Бог его спас от статьи уголовного кодекса за наркоту. Или не Бог, а любимая женщина, заглянув в оставленный Колей блокнот со всеми его расчётами. Был большой скандал, слёзы, истерика, слова о том, что она любит его таким, какой он есть. Коля был даже рад, что всё открылось. Он не сомневался, что его с его «небольшим наркотическим бизнесом» вычислят и прижмут. Не обязательно полиция, вычислят и прижмут серьёзные игроки с этого поля. Расчёт его был на то, что вычислят не сразу, что он успеет заработать хотя бы на квартиру. В день ссоры и горячего примирения Коля окончательно – с вещами, которых у него было на среднего размера чемодан, переселился к любимой женщине. Несколько дней, пока Коля искал более-менее приличную работу, всё у них было хорошо. Потом радости становилось всё меньше и меньше – работу с приличным содержанием Коля всё не находил.

Однажды он увидел объявление о том, что военкомат приглашает на службу по контракту. Так-то кому бы он и нужен в армии? Но Колю, в его 26 лет и с киргизским дипломом о высшем образовании, взяли: в столице российского либерализма было немного желающих послужить Родине, а план у военкомата имелся. Любимая женщина снова много плакала.

Свой контракт Коля отслужил в Крыму. Осенью 2014 года, когда он туда попал, в части был полный бардак – украинская армия ушла, российская трудно вкатывалась на медленных колёсах бюрократических согласований. Коля принял участие в парадах по поводу первой годовщины возвращения Крыма в Россию в Севастополе и Керчи, получил две праздничные

медали. Настоящей службы и боевой подготовки было мало, армию Коля помнил по парадам и – особенно – по отношению местных к солдатам русской армии. Люди их зазывали в гости, приносили в часть ягоды и яблоки, благодарили Россию и его тоже без всякого сомнения называли русским. Приезжала к нему в гости и любимая большая белая женщина. Командир части дал Коле три дня отпуска, потом ещё три, дал бы ещё да Коля сказал, что не надо. Они опять поругались. Потому что Коля проговорился невесте, что к ним в часть приезжал человек из частной военной компании, звал к себе дембелей.

– И что? – встревожилась женщина.

– Ты не волнуйся, что ты! Мне ещё два месяца по армейскому контракту служить.

– А потом?

– Что потом? Потом видно будет.

– Нет, ты мне скажи, что ты собираешься делать?

– Я так далеко не заглядываю, – обиделся Коля на требовательный тон женщины. На самом деле заглядывал. Купец из ЧВК рассказал, что компания работает в Сирии, Африке, кажется, даже в Латинской Америке, в Венесуэле, что ли, Коля точно не запомнил, потому что буквально ошалел от тех денег, которые можно заработать. Да и мир посмотреть. А то, что можно с таким же успехом заработать деревянный мундир, Коля не думал. Да и зачем смерти бояться – это же решение всех жизненных проблем.

Денис – белорус, и не Денис вовсе, а Дзянис – талантливый айтишник из Полоцка. До встречи с Иваном и Колей никуда из своего Полоцка дальше Минска не выезжал, да и в Минск бы не поехал, если бы не армия. Служил в роте информационных технологий при Военной академии, не служба, а резкое повышение профессиональной квалификации за государственный счёт. В роте всего 60 человек, которых отбирают со всей Белоруссии, попадают туда уже опытные специалисты, с образованием и уровнем не ниже middle. За 12 месяцев Дзянис стал крутым спецом. Иван с Колей нашли его по объявлению. Они болтались в альпинистских беседках, выполняя мелкий ремонт на первом белорусском небоскрёбе – 34-этажном «Парусе» в Минске, когда Коля предложил перестать заниматься тупо промышленным альпинизмом, а принять в компанию спеца, с которым они будут,

к примеру, не просто монтировать вышки связи, но заниматься и всей начинкой.

– Ты помнишь, сколько получили компьютерщики за монтаж своего оборудования на нашей вышке в Пензе?

– Тебе, Коля, деньгами, может, помочь?

– Иван, я серьёзно говорю!

– Давай попробуем. Весь заказ брать выгоднее, чем только строительно-монтажные работы.

На их заявку откликнулись несколько человек. Они выбрали Дениса, которого портила одна только черта – был он куркуль, всё в дом, всё в семью. Но от жадности друзья его почти отучили, а спец же он был не только первоклассный, но и лицензированный.

Однако вернёмся на перрон станции «Рига – Пассажирская».

– Это залёт, Дзянис, – сказал Коля. Белорусским именем друзья называли его, когда были недовольны каким-то его действиями или словами.

– За-алёт, – сокрушённо согласился Денис. – Виноват, готов понести наказание. – Денис не стал искать себе оправданий, вид имел настолько виноватый, что старшие товарищи не стали его воспитывать дальше, но совсем без наказания – это неправильно, поэтому Коля произнёс:

– Наказание будет тебе суровое – ты один платишь за завтрак всех нас.

– Я есть не хочу, – кажется, не соврал Денис.

– Я тоже есть не хочу, – ответил Коля и обратился к Ивану. – Ты что будешь: пиво или шампанское?

– Пожалуй, ничего пока. Надо найти хирурга, неудобно к нему с запахом идти.

– А-а-а, извини, забыл, – по-настоящему застыдился Коля. – Тогда и я не буду, повезло тебе, Денис. Или что-нибудь съедим, Вань?

– Это вы сами смотрите, я не хочу.

– Так, а что делать-то будем, рано ведь ещё, доктора только проснулись.

– В себя бы надо прийти. Голова трещит, нельзя ли её поправить, без алкоголя? – Денис вспомнил про дом, жену и ему захотелось каким-нибудь чудом избавиться от жёсткого похмелья.

Коля посмотрел на него как на ребёнка – с интересом и жалостью:

– Есть способ экстренной помощи, ты, вроде, должен его выдержать.

Денис радостно кивнул и тут же сморщился от тупой боли в затылке и молоточков в висках.

– Иван, в городе есть река?

– Даугава. Но я, пожалуй, не поеду.

– Тебе не надо! А вот Дениса выкупаем, вернём румянец на его молодые щёки! Иван, веди нас к реке, мы быстро освежимся, и больничку поищем.

Денис верил и не верил, что они будут купаться в холодной осенней реке. Смотрел на невысокого и худого Колю и думал: «Пусть первый в воду лезет, если он сможет, то я точно должен выдержать». Денис был заметно выше и крупнее Коли, имел некоторый запас подкожного жира.

На берегу Коля как будто немного задумался. Лезть в воду в конце октября совсем не хотелось. Он заметил улыбку Ивана: «Слабо?», взглянул на Дениса, которого потряхивала похмельная дрожь и начал решительно раздеваться. Денис медлил.

– Что, бульбаш, не пойдёшь? Ну, я один! – Коля полез в воду.

– Подожди, я сейчас! – Денис быстро разделся, но идти в воду не решался, явно тянул время. Он вдруг заметил татуировку на левом предплечье Коли. Удивительно, они второй год мотались по командировкам, бывало, что и жили все вместе в одном номере, но Денис не замечал одинаковых татуировок на левых предплечьях Ивана и Коли. Они не выставляли их на показ, но и специально не прятали.

– Какая странная у тебя татуха! Дай внимательнее посмотреть. – Денис сделал шаг к Коле, ноги его поехали на скользкий между водой и твердью кромке, он бы упал, но Коля подхватил его за руку и повёл за собой в воду. Парни пойокали, поматерились, пошумели и поплыли...

Татуировки у Ивана и Коли были странные только для постороннего глаза. Никто из чужих не мог понять, что же собирался наколоть мастер, его работа остановилась так рано, что и догадок никаких не рождается. Иван вспомнил, как Коля приставал к ним с Серёгой сделать ему такой же рисунок, как у них.

– Коля, это особенная татуировка. Это – флажок нашего отряда, армейского, – говорил ему Иван. Это был действительно флажок, не флаг. Немного пёстрая тряпица, почти повисшая, как бывает в безветренную погоду. Если бы было древко, можно было догадаться, что это флажок, но древка не было, так было

задумано. Спецназовец мог просто отвечать на любопытство непосвящённого, мол, неудачная татуировка.

– Ты же не был там, где были мы, – толковал Сергей.

– Но сейчас-то я с вами! И делаю то же, что и вы! – упорствовал Коля.

– Ну что с ним делать?

– Посмотрим на его поведение, там решим.

...Парни привыкли к воде и поплыли на середину Даугавы.

Иван старался, не отвлекаясь, следить за ними. Река в городе широкая, метров 700, отмелей нет, выдохнешься или случится судорога – до спасительного берега надо ещё доплыть. Иван хотел даже крикнуть, чтобы поворачивали назад, но от большой ноги в голову ударила такая стрела, что он на секунды отключился. Пришёл в себя, присел на скамейку, едва отыскал головы купальщиков. «Что у меня с глазами? Я их почти не вижу». Иван не сразу понял, что на Ригу падает первый снег. Свистнул парням, те обернулись, помахали руками, мол, у нас всё в порядке. Иван подавался вперёд, щурил глаза от снега, старался не упускать парней из виду: «Один, второй, один, второй». А в памятиплыли картины недавнего прошлого, которое разбудил вопрос Дениса про татуировку.

В поле они работали по классической схеме: снайпер, наблюдатель, который мог взять на себя обязанности снайпера и бойцы поддержки, их было обычно трое. Главная задача бойцов – защита снайпера и наблюдателя. В городах работали чаще всего тройкой, с одним только бойцом поддержки. Сергей был наблюдателем, Ивана ему ни разу не пришлось заменить. В отряде их группу называли везунчиками. Но рано или поздно везение заканчивается. При первом освобождении Пальмиры в один из дней марта 2016 года Иван с Сергеем потеряли всех бойцов поддержки. Новых бойцов пришлось выбирать из «мяса» – мало готовых к настоящим боям новоприбывших контрактников. Выбирать, натаскивать, учить-опекать. Одним из новичков оказался Коля. С выбором друга не ошиблись, Коля вот только начал быстро приставать с татуировкой. Долго отказывали. Но однажды Коля подготовил защитные ловушки там, где они, казалось, не нужны. А растяжки спасли группе жизнь. Потом интуиция кочевника ещё не раз выручала группу. Иван с Сергеем объяснили шёпотом всем своим павшим товарищам, что Канатбек достоин быть принятым в отряд, набили ему в две иголки флажок на руке. Коля был горд.

«Один, второй, один, второй». В попытках не смотреть последнюю серию отснятого судьбой сирийского сериала Иван начал опять пересчитывать головы осенних купальщиков. Иван зажмурил левый глаз: «Один, второй, один, второй». Вдруг он уловил знакомую лёгкую боль в районе надбровной дуги. Он так и не избавился от привычки плотно прижимать к глазам бинокль или прицел винтовки. При выстреле, когда приклад упёрт в плечо, голова естественным образом отходит чуть назад от оптики, спасая тем самым глаз от отдачи. Он легко научился целиться, не закрывая левого глаза, а избавляться от привычки прижиматься вплотную к прицелу при наблюдении не считал обязательным. «Один, второй, один, второй. Один, второй, третий. Третий?! Кто это? Серёга?!» Иван чётко увидел лицо Сергея, его глаза. Большие, выразительные, всегда чуть нездешние глаза. «Нездешние, говоришь?» – переспросил однажды Сергей Ивана. «Да, нездешние. Сам ты стоишь вот он, а глаза твои как пустые, значит, душа твоя не здесь». Сергей тогда отшутился: «Ты в такие минуты, Иван, когда я не здесь, приглядывай за мной. По лбу щёлкни или подзатыльник отведи, чтобы я вернулся». А может, и не шутил он тогда вовсе...

Иван начал постукивать по опухоли на ноге, мозг принялись разрывать молнии боли, кино про войну прервалось.

Коля с Денисом выбрались из холодной воды очень бодрыми, возбуждёнными, довольными собой. Увидев раскачивающегося и слегка постанывающего Ивана, быстро и почти без разговоров собрались, быстро поймали такси. С таксистом повезло – пожилой латыш с удовольствием говорил на русском, на просьбу довезти до ближайшего хирурга, сказал, что довезёт их до лучшего хирурга, пусть он живёт немного подальше, чем ближайший, но сделает всё на высшем уровне и возьмёт справедливую цену.

– Вы проводите меня к врачу, – сказал Иван таксисту, а парням предложил не торчать рядом с ним, пошутил: «Вдруг я закричу или заплачу. Вы лучше обменник поищите».

Таксист уточнил, какую валюту надо обменять и помог гостям Риги ещё раз – отвёз Колю и Дениса к менялам, которые «дают справедливую цену».

Хирург выслушал короткий рассказ Ивана, сделал снимок и приступил к делу. После второго укола местного наркоза, врач потыкал в ногу скальпелем: «Больно?! Хм».

– Доктор, не надо больше уколов, они после вчерашнего застоя почти не действуют. Режьте так.

– То-то я думаю, запах от вас. Что ж, пойдём испытанным путём – я дам вам стаканчик спирта.

Спирт точно помог больному, но немного поскрипеть зубами Ивану всё же пришлось – осколок сидел очень глубоко.

– Кажется, это камень, – удивился доктор, разглядывая осколок.

– Ну, всё сошлось. Долго же он во мне пролежал. И ведь совсем не беспокоил.

Доктор рассказал что-то про мешочек, который образовался вокруг осколка, про то, что в этом мешочке камень мог лежать сколь угодно долго, но вот отчего-то сдвинулся.

– Возьмите осколок, отмоее его, оставите на память.

– Выбросите его, доктор. Не буду я его мыть. И смотреть на него не хочу.

В третий раз слова про справедливую цену таксист латыш сказал, когда предложил Денису довезти его до Полоцка. Денис жалел денег, собирался ехать на автобусе, но узнав, что на тачке выйдет только чуть дороже, зато заметно быстрее, согласился.

– А до Ужгорода поехал бы? – неожиданно для себя спросил у старого латыша Иван.

– До Ужгорода далеко, – задумался тот. – Полоцк тоже не близко, 400 километров, но часов за 10–12 я обернусь. А до Ужгорода больше тысячи... Когда надо ехать?

– Да, может, и не надо. Это я так спросил.

Таксист видел, какую сумму в евро получили ребята в обмен на свои рубли и не мог так просто отказаться от потенциальных клиентов. Он протянул Ивану свою визитку:

– Надумаете ехать, звоните. Машина у меня новая, надёжный «немец».

На том и расстались. Уже сев в такси, Денис напомнил:

– Позвоните мне сразу, как узнаете день отъезда в Братиславу.

– Позвоним, не переживай.

– Нам без тебя там делать нечего.

Друзья какое-то время смотрели на удаляющееся такси. Они немного завидовали Денису, тому, что он едет к себе домой. Ни у Ивана, ни у Коли своего дома нет. Перед армией Иван больше года жил с женщиной из небольшого народа эвенов.

Жили страстно. А закончилось всё странно – неделю только и тосковал Иван по своей тунгуске. И Колыма, и артель золотоискателей, и необычной красоты женщина – всё враз стало воспоминанием как о чём-то далёком, то ли бывшим, то ли и вовсе придуманным. «А ведь у нас мог кто-нибудь родиться, она же была беременной, когда меня призвали, – подумал Иван. – Если она родила, то сколько сейчас ребёнку? 21 минус 6. 15 лет. – Иван прислушался к себе, нет, не дрогнуло сердце. – Дай вам Бог здоровья и удачи, мои эвены».

А Коля вспомнил, как большая белая женщина прогнала его от себя «навсегда». Ссора и ссора, мало ли они ругались, но её слова «мы расстаёмся навсегда» были сказаны в первый раз.

На обоих враз навалилось равнодушие. Помолчали. Выкурили по сигарете.

– Отобедаем, Иван?

– Пожалуй.

– А потом к заказчику?

– Как получится.

Ресторан в старом городе не понравился. Перебрались в пивной бар, за пивом под немецкие колбаски с тушёной капустой засиделись.

– Иван, а мы договор-то пойдём подписывать?

– Сегодня уже поздно.

Коля повеселел:

– Здесь останемся или куда переберёмся?

– Переберёмся. В ресторан, где работает Люция.

Иван не стал звонить женщине, загадал на удачу: если Люция сейчас на смене, то... А что именно «то», придумать не смог.

Иван вспомнил, как Люция сразила его, когда он в первый раз оказался у неё дома. В Риге в те июльские дни 2018 года было жарко, даже ночью термометр показывал +23. «Хочешь квасу?» «Я не люблю заводской квас». «У меня домашний!» Квас был отменный, Иван не пил такого уже много лет – с тех пор, как ему пришлось бежать из родительского дома.

В ресторане Иван сказал хостесу:

– Если Люция сейчас работает, посадите нас с товарищем за столик, который она обслуживает.

Хостес проводила друзей на балкон, нависавший над общим залом первого этажа.

...Люция со своим шляхетским гонором позволяла себе не следовать служебной инструкции официантки дорогого ресторана. Несколько раз за вечер она присаживалась за столик к Ивану и Коле, позволила себе даже выпить с ними. Директор заведения сначала удивился такому её поведению, решил, было, строго наказать или хотя бы выговорить ей свои претензии, но тут же передумал. Люция была лучшим официантом заведения, клиенты, которых она обслуживала, всегда давали хороший чек, при необходимости она легко заменяла хостеса, встречающего гостей, варила кофе не хуже баристы, могла подменить менеджера смены и почти всех других. За исключением кухни – не потому, что не умела готовить, готовила она как раз вкусно, но всё делала по-своему, никогда не придерживаясь рецепта. Это хорошо дома, в ресторане лучше не рисковать – найдётся какой-нибудь вредный зануда, которому не понравятся объяснения Люции, что соли-перца и всех остальных добавок она кладёт «сколько возьмётся».

«Нет, надо наказать! – ещё раз подумал директор, когда увидел, как Люция вдруг погладила посетителя по лицу. – Что с ней? Она никогда ничего подобного себе не позволяла. А, это же её знакомый! – директор вспомнил, что этот рано поседевший посетитель, с которым так нежно ведёт себя его лучшая официантка, два или три года назад часто бывал у них в ресторане. Приходил почти каждый день, а потом вдруг исчез. Видимо, между ними что-то есть». Директор обрадовался, что ему можно и не наказывать подчинённую за нарушение служебной инструкции и корпоративной этики.

«Как хорошо, что он не позвонил мне. Я бы начала волноваться и ждать его, – думала Люция. – Я бы думала, о чём мы с ним будем говорить, а разговора бы всё равно никакого не было бы, ведь я на работе, подхожу к нему только на несколько мгновений, о чём тут можно поговорить. Мы понемногу привыкнем друг к другу за вечер. Ну, я к нему привыкну, перестану робеть».

Иван, хоть и выглядел как кум самому польскому королю, на самом деле тоже, к собственному удивлению, долго не мог перебороть взявшуюся в нём откуда-то давно забытую юношескую робость перед хорошенькой женщиной. Но переборол и шепнул Люции: «Пшешочка моя, реченька посполитая» и дунув на прядку, выбившуюся из хвоста чёрных волос, поцеловал ушко женщины, в которую он, кажется, влюблён!

...Три года назад, когда Иван впервые проснулся у неё дома, он залюбовался тем, как Люция одевается. Ему не хватило сил и терпения досмотреть этот процесс до конца – он вернул её в постель, целовал её в глаза, в родинки, разбросанные по всему её гибкому телу, в шрам на руке... «Она не рассказала, откуда этот шрам. Сегодня я всё равно узнаю, откуда он».

Но сегодня Иван не сможет спросить, кто и когда обидел его женщину – оставил достаточно серьёзный шрам на тонком локте. Флирт официантки с чужаком, кроме директора, заметили и некоторые посетители ресторана. Среди них был крепкий высокий офицер полиции, которому очень нравилась Люция, за которой он уже долго и совсем безрезультатно ухаживал. Взбешённый увиденным, двухметровый верзила подошёл к столу чужих – он в первый раз видел в «своём» ресторане Ивана и Колю.

– Ну-ка подвинься, монгол! – толкнул он Колю.

Коля задохнулся от бешенства, после он не мог объяснить, как ему удалось удержать себя в руках после такого хамства. Прибалт явно хотел ссоры. Каким-то подлым захватом из-за спины он вдруг придушил Колю и с вызовом упёр взгляд в Ивана. Иван смотрел в белёсые глаза дурака из местных и пытался сообразить, можно ли избежать драки. «Кажется, нельзя», – понял Иван, расслабился и стал спокойно наблюдать за развитием событий. Иван всегда, когда была такая возможность, с интересом смотрел на то, как Коля дерётся. Коля рассказывал, что драться он научился в Чуйской долине. В драке он применял такие приёмы, какие используют в джиу-джитсу, боевом самбо, карате и рукопашном бое. Однажды Иван видел, как Коля ловко сломал противнику кисти рук: «Хорошие у тебя были учителя, Коля».

Иван не сомневался, что Коля победит и в этой схватке, было любопытно, каким именно приёмом он это сделает. Полицейский-верзила не только не считал Колю серьёзным противником, он вообще не имел к нему каких-либо претензий, он ждал, когда за него вступится его товарищ, вот седого-то он с удовольствием побьёт. Верзила увидел, что Иван не собирается защищать своего товарища и немного растерялся, не знал, как быть дальше.

«Монгол» не пытается сопротивляться, его друг не думает вмешиваться – возникла дурацкая пауза. Прибалт пытался сообразить, что ж ему дальше делать. Всего на секунду он ослабил

своей хваткой, и этого хватило Коле. Он сделал обманное движение – будто пытается вырваться из рук своего противника, на самом же деле занял выгодное для ответной атаки положение – заставил верзилу не только повернуться спиной к невысоким перилам балкона, но и почти упереться в них. Иван прекрасно читал ситуацию: «Вмешиваться не придётся, это хорошо, пусть нога спокойно заживает». Коля сделал ещё одну паузу, дождался, когда противник опять немного расслабится и качнулся вместе с ним назад. Полицейский, теряя равновесие, ослабил хватку.

Коля, не поворачиваясь к противнику, ударил его правой рукой, чуть более свободной, в пах и мгновенно выкинул кулак вверх. Верзила, получив в пах, крикнул, начал складываться вперёд и встретился с взлетевшим кулаком «монгола», который угодил ему в очень болезненное место – точно под нос. Офицер отшатнулся назад и вдруг полетел с балкона вниз, на столики первого этажа. Полетел не потому только, что резко качнулся назад, а потому больше, что Коля, вдруг присев, быстрым движением обхватил его ноги и едва заметно дёрнул их вверх, упираясь при этом плечом в живот верзилы.

Латыш сильно ушибся, но в ярости не обращал на это никакого внимания. Он громко объявил, что он капитан полиции, и приказал всем оставаться на своих местах. После этого вызвал себе помощь.

Будь Иван здоров, он и по лестнице успел бы убежать через служебный вход. Да что по лестнице, он и с балкона запросто ещё спрыгнул. Но прооперированная нога лишила его резвости.

– Коля, уходи. Я не при делах, в драке не участвовал, меня быстро отпустят.

– Нет, Иван, не уйду. Ты как раз при делах. Он же тебя провоцировал на драку, из-за этой твоей замечательной польки. Ты этого не заметил, а я весь вечер смотрел, как он злится. Не уйду.

Экипажи подъехали быстро, два патруля сразу – центр города всё же. Если бы они просто, ну, хотя бы без оскорблений, пригласили друзей проследовать в участок, скорее всего, ничего бы и не было. Но полицейские хамили, начали крутить руки. Хамство парни стерпели, даже почти и не отвечали на него, а вот когда их стали хватать за руки и пытаться заломить их за спину, тут у товарищей заработали условные рефлексy. Иван только раз ударил сознательно, в смысле, отдавая себе отчёт в том,

что он делает. Дальше он, как и Коля, который потерял контроль над собой сразу, работал автоматически.

Директор ресторана был в шоке, глядя, как крошится мебель его заведения – тела полицейских падали и ломали столы, стойку буфета, диваны и дорогие модные стулья. А ещё побитая посуда, дорогой алкоголь в баре, приготовленные блюда. Визжала публика и официанты, хостес впала в растерянность – надо ли вызывать полицию, если она уже здесь и положение дел от её присутствия на месте происшествия становится всё хуже и хуже. И только Люция наблюдала за происходящим с восторгом и гордостью за Ивана и его товарища. Она любовалась на своего мужчину.

Когда зазвенели стёкла и зеркала, директор, наконец, оправился от шока. Он вклинился в секундную передышку драки:

– Уважаемые гости нашего ресторана, мужики! Сдайтесь полиции. Мы всем коллективом засвидетельствуем, что вы ни в чём не виноваты, вы только защищались от беззакония полиции. Ребята, вы мне ничего не должны за мебель и посуду, но это такие убытки. Прошу вас, сдайтесь властям.

Вряд ли на друзей подействовали слова директора. Прекратить драку пришлось потому, что, получив чувствительных оплеух по чести и пинков под форменный зад, полицейские достали оружие. «Выстрелят, – увидел Иван по их лицам. – В своих, может, и не стали бы стрелять, а вот нас жалеть не будут». Иван нашёл глазами Люцию, улыбнулся ей, сказал Коле:

– Наша не пляшет. Сдаёмся.

Сначала Иван, а глядя на него и Коля вытянули руки на встречу наручникам. Коля понял хитрость товарища: мы сдаёмся, вот вам наши руки. И хитрость вроде сработала, сержанты почти защёлкнули браслеты, когда капитан, зачинщик скандала, сообразил: «Нет! Руки за спину!». Коля глянул на Ивана, смешно поджав губы: «Раскусили наш фокус», Иван мигнул в ответ: «Ерунда!». И Коля вспомнил, как Иван когда-то научил его, неизвестно для чего, казалось ему тогда, выпрыгивать из петли сцепленных за спиной рук. Делать это нужно было аккуратно, чтобы ещё туже не защёлкнулись наручники. Когда руки, пусть и скованные, но впереди, не за спиной, можно уже очень даже хорошо работать ногами. «Как же Иван с Серёгой надо мной издевались, когда учили драться со связанными руками. А ещё учили освобождаться от наручников. Как же больно было их снимать без ключа – это мало у кого получается. Серёга мог,

я у него научился, а вот Иван даже и не пытался это делать. Неужели и эта наука, наконец-то, пригодится?»

В отделении полиции их втолкнули в одну камеру. Коля успел выставить ногу в дверной проход, не давая закрыть дверь:

– Наручники снимите с нас!

– Нет. Убери ногу.

– Вы что нас, до утра в браслетах держать будете?!

– Почему до утра? Пока капитан не приедет, он приказал оставить вас так. Убери ногу! – сержант взмахнул дубинкой и со всей силы опустил её на то место, где мгновение назад была Колина нога.

Лежать со скованными за спиной руками было неудобно.

– Давай снимем их к чёрту! – сказал Коля и начал было заводить закованные руки под ягодицы.

– Нет. Рано. В глазок вся камера просматривается, не надо им раньше времени наши козыри показывать. Наручники не сняли, значит, собираются нас прессовать. Надо, чтобы они расслабились. Сделаем так. Если будут вызывать по одному, не выходим. Сюда к нам они ломанутся толпой, по одному побоятся. Дождёмся, когда их зайдёт по максимуму, и начинаем работать. За дверь, чтобы не успели захлопнуть, следить буду я, ты сильно увлекаешься в рукопашке, забудешь. Отрабатываем гостей, выходим и ориентируемся на месте. Надо документы забрать, телефоны, деньги.

– Да, хотя бы документы. Ты видел, куда их дежурный бросил?

– В ящик своего стола.

– Всё в одном месте, удобно.

Капитана латышской полиции не было очень долго. Дружья всё же применили свои навыки – вывернули руки под колени, так хоть сидеть было можно. Дежурный к ним не заглядывал, задержанные ведут себя тихо, чего лишний раз тревожиться. Коля тихонько дремал, потом и вовсе крепко заснул. Ивана сильно беспокоила потревоженная в драке прооперированная утром нога. Иван думал о Люции.

«Она живая и остроумная. Красивая? – в первый раз спросил себя Иван. Пожалуй. Пропорции правильные, стройная, на шпильках даже и высокая. Нос немного длинноват, но что нос, когда у неё такие глаза! Особенно когда она смеётся. Когда Люция смеётся, глаза её почти закрыты, а за ресницами пляшут

искры. Она хороша всегда: и в длинном платье, и коротких шортах с футболкой, и без одежды. А какие у неё руки! Узкая ладонь, длинные пальцы и ногти, которые от природы выглядят так, словно за ними долго ухаживали. А как она умеет радоваться жизни! Я никогда не встречал человека, ни мужчину, ни женщину, который бы умел так радоваться жизни. Радоваться – одинаково радоваться! – дорогому подарку и солнышку нового дня. поездке на море и цветам с городской клумбы. И готовить умеет. Мы познакомились три года назад, прожили вместе – сколько же я тогда прожил у неё? Месяц? Да, почти месяц, я даже про племянника забыл, а ведь собирался заглянуть домой, когда сел в Москве в поезд. Почему до меня только сегодня дошло, что она мне дорога? Я бы хотел с ней жить. Я её просто люблю! Да я же сразу в неё влюбился, почему я об этом подумал только сейчас. Почему? Почему я про неё почти не вспоминал?»

Всё, в общем-то, просто, понял Иван. «Всё просто и ясно. Люция появилась в моей жизни тогда, когда моя душа была придавлена. Коля после Сирии поехал к своей большой белой женщине, а я поехал туда, куда отправлялся ближайший поезд, поезд был «Москва – Рига».

Иван передвинулся ближе к маленькому окну заглянул в ночное уже небо. Увидел молодой месяц: «Вёдро».

Это смешное слово Иван услышал от Серёги, когда они пялились в ночное сирийское небо накануне последнего в этом контракте рейда. «Как, как?» «Вёдро. Так бабушка моя говорила, когда я в детстве гостил у неё на Алтае». «Почему – ведро-то?». «И я у неё так спросил. Она посмеялась и говорит: видишь, как нижний кончик у месяца наверх загнут? На него ведро можно повесить, и оно не упадёт. Потому и говорят так. Вёдро – это к хорошей погоде».

Так острый конец луны пропорол упаковку воспоминаний, тех, которые Иван старался держать в самых дальних подвалах подсознания. «Правильно ли я поступил тогда, в тот роковой день? Все эти годы после возвращения с войны я старался не думать – я спас своего друга или убил?»

Память о том событии прорывалась к нему вчера, когда Коля сказал про Серёгу, который бы запросто вылечил ему ногу. Прорывалась сегодня на берегу Даугавы, когда он увидел Серёгу в мнимом прицеле снайперской винтовки. Больше Иван не мог сопротивляться воспоминаниям.

В таком же тёмном часу ночи, как сейчас, случился у Ивана последний разговор с Серёгой. Серёга был астроном и романтик. Несколько раз он рассказал про карту небосвода, но твёрдо Иван мог найти на небе только Большую Медведицу, иногда удавалось найти ещё её меньшую сестру.

– Если не уснём до утра, увидим, какой круг делает Большая Медведица по небу. Заметь, – толковал Серёга, – сейчас ковш Медведицы только начал опрокидываться, но вода, если представить ковш наполненным водой, уже начала из него выливаться. Потом она выльется вся, мне в этот момент становится грустно, как будто из Медведицы ушла жизнь. И я каждый раз пытаюсь дождаться, когда Медведица повернётся ко мне счастливой стороной, когда её ковш опять начнёт наполняться. И тогда грусть отступает.

Иван незаметно улыбнулся:

– Блокнот, который ты никому не показываешь, там стихи?

– Стихи. Тебе смешно?

– Нет. Вдруг ты и поэт такой же стоящий, как солдат?

– Не знаю.

Они помолчали.

– Сколько мы уже дома должны были быть, Иван?

– Да уж три месяца лишних мы здесь. Столько «мяса» спасли.

– Иван!

– Что?

– Ты загадываешь, сколько проживёшь?

– Нет. Никогда об этом не думал.

– И сейчас не думаешь?

– И сейчас не думаю.

– Вот как. А я думаю. Хочу прожить до 85, но это чтобы в уме и при силе.

– Хм. Что-то не могу представить тебя старым, Серёга. Да и себя тоже не могу. Да и зачем так далеко заглядывать. Сейчас главное последний рейд пережить.

Теперь они замолчали надолго.

– Иван...

– Я здесь, Серёга.

– Ты помнишь наш уговор?

– Помню, Серёга.

– Если придётся – сделай. Слышишь, обязательно сделай.

– Не придётся, Серёга, ты ж до 85 лет жить будешь!

– И всё-таки, Иван. Если придётся, не сомневайся.

– Что с тобой, Серёга? Ты что, умирать собрался? Выбрось эти мысли из головы.

– Выбрось... Что-то не получается у меня это сделать сегодня. Всегда получалось. А сегодня почему-то нет...

Сергей поднялся, отошёл к костру, достал свой блокнот, который он никогда никому не показывал, начал что-то записывать. Быстро, на одном дыхании записал, недолго посмотрел остановившимся взглядом в темноту чужой страны, вздохнул так, как вздыхает, набирая полную грудь воздуха человек, когда решился сказать что-то очень важное. Но не сказал.

– Может, считаешь свои стихи, Серёга?

– А почитаю! Обязательно почитаю. Вот вернёмся на Родину, сядем за стол – тогда. – И вдруг ещё раз напомнил. – Но пока не вернулись, помни наш уговор.

Они знали, что делают враги с нашими пленными. Зверство чехов на Кавказе, зверство бармалеев в Африке. Сирийские бармалеи ничем не отличались от африканских. Многие из наших носили гранату «для себя», плена боялись все. Однажды, когда узнали об очередном издевательстве над пленными, Сергей попросил Ивана:

– Если меня вдруг возьмут, и я не успею ничего сделать, а ты это увидишь, избавь меня от мучений.

– Да ты что, Серёга! Брось!

– Нет, Иван. Не брошу. Я боюсь не выдержать. А если меня сломают, это буду ведь уже не я, а кто-то другой, которого я бы и сам убил. Слышишь, не пожалей убить. Ради нашей дружбы.

– Он правильно говорит, Иван, – вмешался в разговор Коля, который был рядом и всё слышал. – Я знаю, как в Азии умеют наказывать. Люди смерти просят, а их оставляют жить и издеваются дальше. Я, Иван, тоже прошу тебя об этом. Есть у меня граната для себя, а если меня контузят, и я ничего не буду соображать... По рукам, Иван?

Иван помолчал, взглянул каждому в глаза:

– По рукам. И буду молиться, чтобы мне не пришлось этого делать. А плен... Думаете, я не боюсь плена? Я ведь знаю, что это такое.

– Ты не рассказывал...- в голосе Серёги явно прозвучало удивление и, едва слышной ноткой, обида.

– Так ведь и ты мне не всё рассказал о своей жизни после армии.

В Бердской бригаде спецназа ГРУ они были близкими друзьями. Им нравилась служба. Призванные осенью 2006 года, в последний призыв, когда забирали в армию на два года, они совсем не завидовали первым полторагодичникам, которые пришли в часть следующей весной.

А когда узнали от Канатбека, что тот служил и вовсе только год, прямо его жалели – «Вы не то, что воевать не научились, вы и испугаться-то толком не успели».

После службы пути Ивана и Сергея надолго разошлись.

Иван не захотел возвращаться в Магадан. Там холодно, женщину, почти жену, он совсем забыл, а денег стало можно заработать и побольше, чем на Колыме, в жарких странах. По контракту с одной из первых в стране ЧВК, который он не раз продлевал, Иван охранял торговые суда в Индийском океане и в Атлантике у берегов Африки. Дела у компании шли то хорошо, то плохо – опыта организации такого труда в стране ещё не было, а законы прямо запрещали подобные «войска». Но в Сирию он попал уже со вполне приличной ЧВК.

А москвич Сергей вернулся домой, с третьей попытки поступил в Литературный институт, проучился почти три курса, даже и несколько своих коротких рассказов и пару стихов опубликовал в толстом журнале. Но доучиваться не стал. Он бы дотерпел окружение – жеманных или прямо ломанных неудачными отношениями девиц и таких же ненастоящих манерных юношей, которые едва ли ни с первой рюмки начинали доказывать всем свою гениальность. Дотерпел бы. Но вдруг узнал, что в журнале его напечатали больше по просьбе учителя, который имел знакомства в редакции. Учитель пытался объяснить, что просто такие правила, что без протекции никуда, будь ты хоть вторым Пушкиным. «Я не второй, я – первый. И идите вы все к чёрту с вашими дипломами, с вашими журналами и вашими критиками». А тут ещё любимая, уже названная невестой, вдруг ему открылось, оказалась из такой же современной молодёжи – с непомерными амбициями и болезненной жадой признания.

Сергей отправился в военкомат с желанием подписать контракт и отправиться туда, где погорячее. Дежурный офицер выслушал его просьбу, узнал про подготовку в спецназе и сказал: «А ты уверен, что тебе нужна армия? Сейчас появились приличные ЧВК. Там нет нашей армейской бюрократии, да и заработки побольше».

Иван и Серёга снова встретились осенью 2015 года в Сирии. Попытались, было, вспомнить хотя бы из самого яркого, что было на службе по призыву, но тогда они воевали понарошку, командировки на Северный Кавказ обошлись почти без выстрелов. Теперь же война была настоящая. И с воспоминаниями как-то не заладилось. Они даже как бы и заново познакомились, заново сдружились.

– Мне, Иван, и рассказывать-то почти нечего. Ну, учился. Ну, чуть не женился. Запил от скуки, от водки чуть не умер. Прокапался, пришёл в себя и ушёл на войну. Пришёл, гляжу – тут ты. Хорошо!

Иван посмотрел на товарищей, посмеялся на себя – заикнулся, так рассказывай.

– В 2011 году надоело мне по морям болтаться. А тут война в Ливии началась. Ну, я туда и попросился. Встретили меня в пустыне хорошо – в первом же бою в плен взяли. Мне повезло, меня даже и не били толком, даже когда узнали, что я снайпер. Торопились они, наши нам на выручку выступили. Бармалеи только офицера с собой потащили, нас просто расстреляли. Бог меня тогда уберёт, пуля над сердцем прошла. Навылет. Арабы или кто они там, в этой Ливии, наспех засыпали братскую могилу. Я после расстрела на бок упал, так и лежал будто мёртвый. Дождался, когда макушку присыпят и начал потихоньку на живот переворачиваться. Руки к лицу подтягивал. Голову старался приподнятой держать, чтоб хоть немного воздуха оставалось. Потом, когда от песка тяжело стало, уже посмелее ладони к лицу придвинул, вот так, колодцем. На локтях приподнялся. Лежал пока дышать было чем. Потом начал выворачиваться наверх. Выбрался на воздух, тут силы и кончились, отключился и остался там лежать. Через несколько часов наши подобрали.

Так что, друзья мои товарищи, в меня стрелять не надо, если я в плен попаду. Я буду до последнего бороться за свою жизнь. Вы на меня не обижайтесь, пацаны, я не в упрёк вам это сказал. У вас свой выбор, у меня свой.

– Ты тогда поседел, Иван? – спросил Серёга.

– Ну, не такой уж я и седой.

Возникла неловкая пауза, заполнить её заторопился Коля:

– И вправду, никакой ты не седой, Ваня. А так – пегий.

Коля слегка взъерошил волосы на голове Ивана:

– Да, не седой, – окончательно вывел Коля, у которого от азиатской породы были густые и толстые чёрные волосы. В основном на голове, усики росли узкой полоской, а бороду и вовсе быстрее можно было выщипать, чем побрить. И вдруг добавил:

– Поседеешь из-за наших дел.

– Про наши дела лучше никому не рассказывать, – тихо произнёс Иван.

– «Рассказывать!»! Хорошо бы не обо всём помнить, Иван.

Серёга это сказал – «Хорошо бы не обо всём помнить», Серёга, – вспоминал сейчас, в камере рижского отделения полиции, Иван. Но как же это забыть?

...Возвращались из последнего рейда. Последнего, скоро в Россию, там попьём, отдохнём и решим, подписываем следующий контракт с этой замечательной конторой нерегулярных войск или хватит уже воевать. Конечно, замечательная контора – экскурсии по всему миру, деньги хорошие платят, премии. Работа, правда, не самая лёгкая, можно даже сказать на любителя. Не все выдерживают, не всякий с этой работы домой возвращается.

Дело тогда, в последнем рейде, сделали хорошо, легко даже. Это-то именно и тревожило поначалу. Слишком хорошо тоже не хорошо. Но потом успокоились, база рядом, бармалеи к ней давно близко не подходят.

Но на этот раз подошли.

Группа растянулась, разбилась на две неравные части. Дубовый лес здесь был не только особенно густым, ещё полно было кустарниковых дубков и можжевельника – хорошее место для засады. Серёга зачем-то оказался в отставшей, совсем небольшой группе. Иван его пару раз вызывал по рации, тот в первый раз отмахнулся какой-то дурацкой шуткой, а на второй вызов просто не откликнулся. «Поэты – это невыросшие дети», – вспомнил Иван слышанную когда-то фразу.

Бармалеи взяли отставших в ножи, никто и выстрелить не успел, разведчики, чёрт побери. Но один, с перерезанным от уха до уха горлом, прохрипел-пробулькал что-то в микрофон. Первая группа рассосредоточилась, старший скомандовал: «Наблюдаем!». Но Иван кинулся назад, Коля за ним. Трое лежали на животе, двухсотые, один, который прохрипел в микрофон, на спине, Иван видел, как он дёрнулся последней судорогой. Иван и по спинам понял, что Серёги здесь нет, а Коля заглянул

в лицо каждому. Головы убитых с перерезанными шеями легко поворачивались. Бармалеи взяли с собой одного из наших, Серёгу.

Бармалеи могли уйти в любую сторону, в какую именно гадать бесполезно. В такие моменты надо отключать сознание и выполнять команды остальных частей мозга и самой ноосферы. Иван наработал это опытом, Коле помогали стоявшие за его спиной поколения кочевников.

– Уйдут, Иван!

– Не уйдут. Забираем выше!

Бармалеи уходят к своим, поднимаемся выше, обзор будет получше, мелькнуло у Ивана в голове. Через несколько минут бешеного бега Иван скомандовал:

– Стой, Коля. Выше уже незачем. Наблюдаем.

Наблюдать – может, самая главная задача снайпера. Наблюдать, отыскивать и уничтожать наиболее важные цели. Сейчас такой целью для Ивана был не офицер противника, ни пулемётчик, ни такой же как он снайпер, а давний боевой товарищ Серёга. Зрение до предела обострено – ну, где колыхнётся трава или ветка, в каком месте блеснёт на оружии солнечный луч? Чуйка Ивана не подвела. Да и местность он знал хорошо, понимал, как именно должны уходить бармалеи.

– Вон они! – крикнул Коля.

– Увидел, наконец, – спокойно ответил ему Иван.

– А ты чего не стреляешь?

Иван только скрипнул зубами и до боли прижался к прицелу. Он мог уже дважды выстрелить, но медлил. Серёга был без бронезилета и сферы. «Неужели сам ухитрился сбросить, чтобы мне было легче уговор выполнить?!» В эти секунды Иван не знал, сможет ли выстрелить в друга, но ситуация оставалась у него под полным контролем: до вершины холма, за которым вот-вот скроются бармалеи с пленённым русским, есть ещё несколько мгновений. Бармалеи бы с ходу перевалили за холм – там уже можно спокойно перевести дыхание, но Серёга остановился и повернулся, и посмотрел прямо на Ивана, Иван даже вздрогнул. «Он не может видеть меня, просто как опытный разведчик предположил, где я должен оказаться, если вовремя бросился в погоню». Серёга смотрел в сторону Ивана и кивал головой, один раз, второй, как будто говорил: «Ну! Что же ты медлишь?!» В оптику Иван хорошо видел своего друга. Когда Серёга кивнул головой в третий раз, Иван выстрелил.

Выстрел был точным. Иван видел, как старший из бармалеев, когда другие беспорядочно стреляли по сторонам, нагнувшись к пленному, приложил пальцы к шее, проверяя пульс. Иван видел, как старший хотел было сделать контрольный выстрел, но зачем стрелять в мёртвого?

Иван с Колей вдвоём принесли тело товарища на базу. Вдвоём сопровождали гроб до родины Серёги. На распрось родных отвечал что-то Коля, а к мрачному Ивану те и не обращались. В эти дни, когда везли гроб, когда слушали слёзы матери на свежей могиле, Иван окончательно поседел. За поминальным столом Иван отдал матери Сергея записную книжку сына. Он так и не заглянул в неё, потому что собирался оставить её себе, думал потом, когда боль поутихнет, посмотреть, что же в неё записывал Серёга. А за столом подумал: «Этот блокнот – самое дорогое, что было у друга, пусть родные читают и решают, что делать со стихами – похоронить их в фамильном архиве или показать тому, кто в этом деле понимает».

Из Сирии Иван с Колей вернулись в 2018-м. В канцелярии ЧВК сказали, что уходят в продолжительный отпуск. В ответ услышали: «Ваше право, мужики. Но знайте – мы вас всегда ждём!»

И вот уже три года Иван с Колей занимают жизнь работой промышленными альпинистами, иногда, при хороших заказах, набирают помощников, монтируют вышки связи, однажды собрали даже элеватор в богатом белорусском совхозе. С приходом Дениса берутся и за хорошо оплачиваемые заказы по монтажу самых мудрёных систем слежения. Цыганская эта жизнь с постоянными командировками не то, чтобы начала надоедать Ивану, но, спросил он себя сейчас, в камере рижской полиции, сколько ещё будет продолжаться этот длительный отпуск? Или это уже не отпуск, а обычная жизнь и на войну я больше не вернусь? Если не вернусь, надо окончательно обустроить свою жизнь. В 37 лет это ещё совсем не поздно. И опять пришла в голову мысль – почему я об этом задумался именно сейчас? И уже с окончательной ясностью ответил себе – потому что я перестал мучить себя вопросом о Серёге: убил я его или спас от мучений? Ответ на этот вопрос я никогда не найду, в жизни случаются вопросы, на которые нет единственного и верного ответа. С ними нужно просто жить.

Надо съездить к Сергею на могилу. Теперь я это уже могу сделать. Уже не буду виниться у его креста, не буду задавать себе вопросов, на которые нет ответов. Сделанного не воротишь, хватит сомневаться и казнить. Мать его поддержать надо! Как же мне это в голову не приходило? Помочь чем, денег оставить, просто побыть с ней рядом.

От принятого решения Ивану стало легко на душе.

– Вань, у нас курить есть?

– А, выпался? Есть.

– Давай, наконец, снимем наручники, что мы как дураки в них до сих пор сидим!

– Снимай, а потом мне поможешь.

Коля, не вставая с лавки, подтянул сцепленные за спиной руки к пяткам и без видимого труда переступил сначала одной, потом второй ногой через наручники. Иван этот трюк тоже всегда проделывал с лёгкостью, но сегодня не получилось – прооперированная утром нога плохо сгибалась в колене.

– Сейчас, подожди немного, я тебе помогу, – заметил его неудачу Коля. Вытянув перед собой руки, он аккуратно, чтобы не затянуть замки, размял кисти и помогая, насколько это было возможно, пальцами правой руки, выщелкнул из суставов большой и указательный пальцы на левой руке, вытянул кисть с изуродованными пальцами из кольца наручников. Немного сморщившись от боли, вернул на место вывернутые пальцы, чуть отдохнул и проделал такой же фокус с правой рукой. Так Иван никогда не мог делать – при неожиданно тонких запястьях кисти его рук были широкими, выверни он хоть все свои пальцы, через кольцо рука всё равно не проскочит.

– Вон гвоздик, его можно руками выдернуть, – кивнул Иван куда-то на дверной косяк.

– Гвоздик, говоришь, – бурчал себе поднос Коля, рассматривая наручники Ивана. – Нет, Иван. Твои браслеты гвоздиком или булавкой не открыть, тут без ключа никак.

Иван вздохнул:

– Ладно, так дождусь свободы. В наручниках. Ну ты сигареты-то доставай!

– Где они у тебя?

– За пазухой, в районе живота.

– Это ты их когда успел спрятать?

– В ресторане ещё, перед тем, как сдать.

– Блин, опять ты меня удивил! Догадался же спрятать, а?

– Знал, что ты курить захочешь.

Коля был заядлый курильщик, и Иван не раз отнимал у него сигареты, которые тот пытался запрятать в своей амуниции при выходе в такие секреты, когда курение могло стоить жизни курильщику и его товарищам.

Коля достал сигареты, в пачке лежала и зажигалка:

– И огонь есть, ну, ты молодец!

Закурили.

– Никак не пойму, Иван, как ты, который пачку в день выкури-ваешь, можешь, когда надо, сутками не курить? Как?!

– Надо уметь управлять своими желаниями и контролировать свои пороки, Коля.

– Угу, – неопределённо буркнул тот в ответ, не то согласился, не то просто подтвердил, что услышал сказанное.

– Коль?

– Что тебе, Вань?

– А ты загадывал когда-нибудь, сколько лет ты будешь жить?

– Нет. А ты что, загадывал, что ли?!

– Ага.

– И сколько?

– Я хочу прожить 85 лет и до последнего дня оставаться при уме и здоровье.

– Это ты сейчас загадал?

– Ага.

– А что ещё придумал?

– Ещё? Хм-м. Женюсь!

– С невестой определился?

Иван ненадолго задумался.

– Да.

– Люция?

– Да.

– Хороший выбор, одобряю. Я видел, как вы смотрели друг на друга.

– Да ладно, как?

– Как? Ты как будто сдерживал свою радость. Изо всех сил, но это плохо у тебя получалось. А вот она – с любовью, с восторгом каким-то даже.

– Не откажется она от моего предложения?

– Если не дура, не откажется. А она, вроде, совсем не дура.

– И – красивая.

– Ну, это уж тут у всякого свой вкус.

Помолчали. Иван тихонько улыбался своим мыслям, а Коля о чём-то сосредоточенно думал. Потом сказал:

– А я тоже тогда женюсь!

– На большой белой женщине?

– Мне больше никто не нужен. На ней.

– И начнётся у нас тогда совсем иная жизнь.

– Будем дружить домами?

– Надо постараться.

– А если наши женщины не понравятся друг другу, мы-то с тобой нашу дружбу ведь не забудем?

– Нет, Канатбек Шершеевич. Не забудем, дорогой ты мой товарищ!

– Спасибо тебе, Иван Богданович!

Почему-то они совсем не думали о том, что с ними будет ни тогда, когда они обзаведутся жёнами и домами, а вот сегодня, через несколько часов. Драка в ресторане, сопротивление полиции – это ведь вполне себе уголовное дело. Но друзья не видели за собой никакой особой вины: ну, подрались в ресторане, так ведь они просто защищались. А если придётся возмещать материальный ущерб ресторану, заплатим. Хотя директор обещал не выставлять им никакого счёта, а ещё обещал показания в их пользу дать.

Зря они чувствовали себя спокойно.

Капитан латвийской полиции долго и подробно писал отчёт о происшествии, директор ресторана сфотографировал все убытки, распечатал на принтере фотографии и попросил приобщить их к отчёту. Капитан собирался записать возмещение потерь на чужаков. Дожидаясь следователя и экспертов, он завёл разговор с персоналом, с каждым по отдельности. Многие, едва ли не все, говорили, как надо. Женщины завидовали Люции: её все любят, и живёт она легко, теперь они пользовались удобным случаем, чтобы досадить ей. А на мужчин, почти на каждого, у капитана был компромат, на кого больше, на кого меньше, но любого оказалось легко поприжать. В целом вырисовывалась однозначная картина: Седой с товарищем затеяли в заведении пьяный дебош. Женский персонал был не против и Люцию вписать в виноватые, но про эти их намёки капитан распорядился забыть. Только директор и заупрямился, прямо заявил: «Весь дебош из-за вас случился!»

Капитан сказал директору прямо: «Вы не понимаете, уважаемый. Если вы дадите нужные показания, я сделаю всё, чтобы ваши убытки были покрыты – за счёт монгола с русским, за счёт страховой компании, за счёт нашего правительства. Ну?!». Директор замялся и попросил время подумать.

Люция же в разговоре с капитаном ограничилась одной фразой: «В любом суде я скажу правду». Капитан даже в протокол ничего не стал записывать про Люцию, как будто и не было её в ресторане во время драки. Решил, что и ему, как директору, надо подумать над тем, какая линия его поведения будет наиболее выгодной применительно к развитию его отношений с Люцией. Когда он отпустил её после опроса, та сказала: «Ты сейчас поедешь в отделение, куда Ивана с товарищем увезли. Не вздумай что-нибудь делать с ними. Если с его головы упадёт хоть один волос, тогда...»

– Что тогда будет?

– Тогда даже не подходи ко мне!

Капитан собирался плотно отработать взятых чужаков за причинённый ему лично моральный ущерб, пока только не решил, самому это сделать или помощников взять? Наверное, лучше самому, склонялся он, один зайду в камеру. В отделении сейчас остаётся один человек, еду с патрульным экипажем, это ещё двое. Я четвёртый. В ресторане этого оказалось мало, в отделе я и один справлюсь, они же в наручниках. А угроза Люции – пустое, да и не узнает она ничего. Не станет же Седой жаловаться ей, что я его побил.

Следователя с экспертами не было долго. Капитан в компании директора выпил, за счёт заведения, три кружки светлого пива и несколько рюмок водки. Почувствовав просыпающееся пьяное бешенство, решил, что пора ехать разбираться с москалями.

Дежурный в отделении, куда привезли Ивана с Колей, уловил запах сигаретного дыма, но даже замечание делать не стал. Рассудил, что вот потребует он прекратить курение, они его пошлют куда подальше и что он тогда сможет сделать? Дежурный даже в глазок не заглядывал. Он злился – вместо спокойной ночи, когда и выспаться можно, сиди теперь, жди развития событий. Задержанных приняли без протокола, так в наручниках и запихнули в камеру. Изъятые у них личные вещи, без всякой описи, бросили в ящик стола, сказали, чтобы ждал капитана, тот скоро будет, он со всеми процедурами разберётся.

Дежурному стало любопытно, что же именно изъяли у задержанных?

Он открыл ящик стола, увидел документы, телефоны, на пухлые их бумажники присвистнул. Открыл один, второй. Оба набиты наличными евро крупного номинала. Борясь с желанием пересчитать деньги, потянулся за паспортами задержанных. Он любил рассматривать документы незнакомого человека – вглядываться в фотографию и, высчитав возраст и зная ещё только место его рождения, он пытался представить, какой могла быть чужая жизнь. Но первая информация, которую он узнавал – где был выдан документ. «Екатеринбург. А второй? Магаданская область, город Сусуман – это же на краю земли! А Екатеринбург, это кажется, где-то под Москвой. Или нет? Так, а родились вы где? Чёрт, а где этот Екатеринбург находится всё же?» Дежурный полез в интернет, долго и с удивлением читал про Екатеринбург. Особенно его поразило количество населения. «Большой город, полтора миллиона жителей, это же всего на 300 – 400 тысяч меньше, чем живёт во всей Латвии. И от Москвы он далеко, почти 1700 километров. И зачем наши политики задирают Россию? Зачем злить этого огромного медведя?!»

Не будем гадать, дошёл бы дежурный в своих размышлениях до антиправительственных настроений или, добравшись в этих размышлениях до порога, вернулся назад, чтобы привычно и испуганно спрятаться за мощь Евросоюза и США. Потому что вдруг скрипнула входная дверь и раздались шаги входящих – капитана и сопровождавших его капрала и первого сержанта.

Капитан кивнул дежурному и не оборачиваясь к вошедшим с ним полицейским чуть вытянул назад руку ладонью вверх. Сержант услужливо вложил в неё дубинку, капрал уже открывал дверь в камеру.

Коля на звук открываемой двери принялся разгонять сигаретный дым, вполне себе нелепое действие: я тут накурил, но это я нечаянно, я искренне извиняюсь.

– А где твои наручники? Кто снял? – Вкрадчивым голосом спросил капитан и сразу завёлся. – Кто позволил курить в камере?!

Капитан скользнул взглядом по Ивану, увидел, что у того руки закованы и, поднимая дубинку для удара, двинулся на Колю.

«Так, этот пьяный, в дверях ещё двое плюс дежурный. Их всего четверо, нормально, надо их делать, запереть всех

в камере, забрать документы, телефоны и деньги и уходить», – Иван мгновенно просчитал порядок действий.

– Ждём! – крикнул Иван своему товарищу и кивнул на открытую дверь в надежде, что Коля поймёт: надо тех полицейских, что застыли в дверях, заманить в камеру, в тесноте, когда они будут осторожничать в драке, чтобы не зацепить друг друга, их будет легче выключить. Но Коля Ивана не слышал. Он увернулся от одного удара дубинкой, почти ушёл от второго, со стороны наверняка показалось бы, что Коля просто отворачивается от побоев, что он явно демонстрирует своё нежелание драться. На самом же деле Коля готовился к нападению. Его нападение было молниеносным и страшным. Он один только раз выкинул руку к лицу капитана. Кто-то называет такой удар нечестным. Конечно, бить человека по лицу вообще нехорошо, но капитан лез к Коле с дракой уже во второй раз за день. Капитан зашёл в камеру с дубинкой, собирался отомстить за своё публичное унижение людям со связанными руками. Это разве честно? Хотя и, может быть, Коле стоило бить по глазам противника не одним, а двумя пальцами, указательным и средним. Капитан при таком ударе взвыл бы также, как сейчас, но остался бы гарантированно живым и точно целым – при ударе одновременно двумя пальцами невозможно ни убить, ни вырвать глаза. А при ударе одним пальцем – можно. Если бить указательным, можно и до мозга достать – убить. Но Коля ударил своего противника большим пальцем, не на всю его длину и всего лишь вырвал глазное яблоко. Капитан заорал, выронил дубинку и попытался бежать. Иван подножкой уложил могучее полицейское тело мордой в пол и бросился к двери, чтобы младшие чины рижской полиции сгоряча не закрыли дверь в камеру. Коля подобрал дубинку и кинулся следом.

– Не убиваем! – крикнул Коле Иван.

Сержант с капралом оказались неплохо подготовлены к рукопашке, умело защищались и вполне профессионально нападали. Иван мог работать только ногами – руки в наручниках – и только вполсилы – из-за прооперированной ноги. Коле приходилось тяжело. Дежурный, не вступая в драку, кинулся к оружейке.

– Коля, бери третьего!

Дежурный уже вставлял обойму в пистолет, когда Коля достал его. Удар получился плохо подготовленным и не самым сильным – Коля бил в прыжке, едва дотягиваясь до противника.

Но и этого хватило: дежурный выронил пистолет и, даже не думая драться, кинулся к выходу. Коля бы его догнал, но заметив, что сержант с капралом одолели-таки Ивана – уронили на пол и обрабатывают его ногами, бросился к другу на помощь. Капрала он сходу достал дубинкой по виску, однако и сам при этом пропустил болезненный удар сержанта. Иван, не успев подняться, вложил всю силу здоровой ноги в удар, пытаясь попасть в щиколотку сержанта. В горячке драки они не заметили, как окривевший капитан с редкой для его комплекции скоростью выскочил на улицу. Иван с трудом поднимался на ноги, Коля это видел, видел и то, что сержант с капралом только защищаются, отступая к выходу. Он на секунду остановился, явно давая им возможность последовать за своим начальником, что они и сделали. Коля бросился к Ивану, помог ему подняться.

– Я нормально, Коля.

– Ну, слава Богу!

В наступившей вдруг тишине они услышали возню у входных дверей со стороны улицы.

– Проверь, Коля.

Коля бросился к двери:

– Нас закрыли.

– Мы в ловушке. Запри дверь изнутри и давай думать, что нам делать.

– Коля, ищи ключ от наручников, у меня пальцы уже синеют.

– Чёрт, я думал, браслеты этой модели не затягиваются сами по себе. Ошибся.

Ключи от наручников остались в кармане у кого-то из полицейских. Коля перерыл все ящики стола дежурного, в отчаянии заглянул даже в камеру для содержания временно задержанных – там ключей не было тоже... Проговорил вслух:

– Ключик не находится. Чёрт, и пилить-то их нечем.

Вышел из камеры и вдруг увидел шкаф для верхней одежды. Там на форменном ремне, очевидно, дежурного висел футляр с наручниками. Наручники оказались той же системы, что и у Ивана. Иван, радуясь свободным рукам, подошёл к выключателю, погасил свет, вернулся к столу, выключил настольную лампу, выключил компьютер.

– Думаешь, они уже снайперов расставили? Рано, не успели ещё.

– Это чтобы потом не забыть. Итак, что мы имеем, Коля? – растирая руки начал Иван. – У нас был единственный шанс – запереть полицаев в нашей камере и спокойно уйти. Мы им не воспользовались, но не будем об этом жалеть. Шанс был слишком призрачный. Что теперь? Сами полицейские к нам не сунутся – вон у нас сколько оружия, целая оружейная комната. Штурмовать нас будут спецы. Пока они соберутся, пока разработают план, пока его утвердят наверху пройдет несколько часов.

– А переговоры?

– Какие?

– Ну, они же должны уговаривать нас сдаться!

– Это если бы у нас были заложники. Никаких переговоров не будет. Но сдаться нам предложат, конечно.

– Русские не сдаются!

– Весёлый ты парень, Канатбек.

– Сдаваться неохота. Нам же такой срок наматывают.

– Можем не сдаваться, можем поиграть в войну. Только это ещё хуже. Кого-нибудь мы всё равно положим при штурме, а от этого сидеть нам придётся ещё дольше.

– Если мы не сдаёмся и не воюем, то что мы тогда делаем?

– Думаем. Вот что, Коля. Метнись быстро по зданию, может, выход на чердак есть? Дверь они контролируют, а вот про чердак могли и не сообразить. Давай, живо!

– Есть, Иван Богданович! Я мигом!

– Постой. Ящик вон у дверей. Там не ключи?

Коля открыл довольно вместительный настенный ящик:

– Ключи. Но в основном, должно быть, от кабинетов, магнитные. А выходу на чердак полагается простой замок, навесной. Возьму вот эти, они тут самые простые.

– Фонарик тебе хорошо бы. Свет лучше не включай нигде.

– Фонарик? Обойдусь. Небо ясное, луна светит, я вижу. Я быстро!

Когда Коля ушёл, Иван достал из ящика отобранные у них при обыске вещи. Распределил по карманам свои, подумал немного и также расчётливо, чтобы они не мешали при движении, распределил по своим карманам документы, телефон, и кошелёк товарища. Встал, прошёлся, явно прислушиваясь к прооперированной ноге, заглянул в оружейку.

Оружие оказалось так себе – были там в основном пистолеты (никчёмная в общем-то в бою вещь) и короткоствольные автоматы для ближнего боя, хороши разве для расстре-

ла городской невооруженной толпы. Иван их и в руки брать не стал, потянулся за единственной в пирамиде снайперской винтовкой. Это была немецкая Heckler & Koch PSG-1. Пару раз он стрелял из такой, в учебке. Они тогда из каких только снайперских винтовок не стреляли – американских, немецких, израильских. Но больше из наших, из СВД и даже «мосинки». Немецкую винтовку Иван никогда бы не выбрал. Обычно прицела у винтовки нет, а оптика рассчитана на стрельбу от 100 до 600 метров. Это так в характеристиках оружия записано, а на самом деле добрую кучность она даёт до 300 метров, да и то при стрельбе с «хорошей пулей». Расстояние для стрельбы киллеров и полицейских. Только в городе и воевать, а для боя в горах или степи вещь слабая. И магазин оказался маленьким. Иван помнил, что к этому типу винтовки немецкого спецназа, и армейского, и полицейского, используются магазины ёмкостью на 5 и 20 патронов. Пошарил на полках, сменных обойм не нашёл, зато в одной из открытых коробок обнаружил россыпь патронов 7.62 мм натовского калибра, как раз к этой винтовке.

«Так, что это я? Мы же не собираемся воевать» – сказал сам себе Иван, вернул винтовку на место. Повернулся уходить и заметил налобный фонарик, который совсем по-домашнему валялся на старом снарядном ящике. Фонарик оказался рабочим, Иван поднял крышку ящика – там навалом лежали старые охотничья ружья, ржавые автоматы времён Великой Отечественной войны, пара гранат без запалов, разнокалиберные патроны россыпью. «У населения незаконное оружие и боеприпасы выкупают, должно быть, – подумал Иван и последним, перед тем, как отойти от ящика, движением приподнял оружейный металл – вдруг есть что-нибудь интересное. Он не сразу поверил своим глазам – на самом дне лежал штык-нож к автомату Калашникова образца 1947 года. Про такой они вспоминали сегодня – или уже вчера? – в поезде.

– Это к чему же ты попался мне на глаза? – Штык был в отличном состоянии, ножны тоже – без ржавчины и с сохранённым острым концом. Иван помнил, что была какая-то примета – тупить конец ножен, просто загигать его, а зачем это делали вдруг вылетело из головы. Иван пристроил штык-нож в осенний свой ботинок с высоким берцем. «И обувь – как специально выбирал. Второй знак. Будет, значит, и третий, он всё и разъяснит».

Иван вышел из оружейной комнаты, положил фонарик на стол. И тут бесшумно появился Коля. На вопросительный кивок Ивана ответил:

– Чердака у здания нет, люк выходит сразу на крышу...

– Ну, чего замолчал!

– Поздно, Вань. Я даже люк открывать не стал, голоса их услышал. Двое нас там точно ждут. Может, больше, но два голоса я разобрал.

– Что-то быстро они сработали.

– Ага. Натаскали их разные америкосы. Что делаем?

– Подвал, Коля!

– Точно! В подвал лучше с фонариком.

– Возьми, на столе лежит.

В подвале Коля включил фонарик. Батарейки его были сильно подсевшие, но так даже лучше, яркий свет можно заметить с улицы через продухи – небольшие окна для естественной вентиляции. Именно с них Коля начал искать выход из ловушки. Продухи часто забирают сеткой – от котлов, сетку эту нетрудно вырвать. Главное найти такое оконце, через которое можно было бы пролезть. Тут была одна надежда – уже выпавший кирпич рядом с оконцем или такой, который можно выломать. Коля обошёл весь периметр подвала. В здании после недавнего ремонта цоколь привели в идеальный порядок: проёмы подвальной вентиляции оформлены новой кирпичной кладкой, стены побелены, пол сухой – ни малейшего запаха сырости

«Глухо, как в танке. Думать, Канатбек, думать! – приказал сам себе Коля. – Подвал не может быть абсолютно замкнутым, через него с улицы заведены коммуникации. Где-то же они выходят наружу. Чёрт, что ж я сразу-то не смотрел, когда продухи прощупывал!».

Примерно в ту секунду, когда Коля стукнул себя по голове от досады, Иван вздрогнул от звонка своего телефона. Взглянув на экран, удивился: «Племяш?! Повода для звонка никакого, значит, что-то случилось. Вот он, третий знак».

Все редкие свои разговоры с племянником Иван заканчивал одними и теми же словами: «Может, ты единственный на всей Земле человек, в ком бежит родная мне кровь. Если возникнут проблемы, не стесняйся обратиться за помощью». Ни разу за все годы племянник ни о чём не попросил. И вот такой час настал.

– Иван Богданович, на тебя моя последняя надежда. Оборзели в конец хлопчики, мало им того, что плачу каждый месяц. Требуют отдать весь бизнес. Отец советует отдать, говорит, что лучше быть бедным, но живым.

– А полиция не вмешивается?

– Я думаю, что полиция заодно с бандитами.

– Сколько тех, с которыми тебе надо помочь?

– Верховодит пятёрка. Если их... если их не станет, остальные не рыпнутся.

– Что ж, племяш, жди. Скоро буду. Конец связи!

Услышав ответ племянника, выключил телефон, вздохнул: «Неужели я живу только для того, чтобы убивать?» Подошёл к окну, внимательно осмотрел улицу. Одну засаду заметил – блеснула от света луны кокарда на бейсболке полицейского. «Спецы ещё не подтянулись, те будут в шлемах», – оценил Иван.

А Коля в этот момент простукивал стену вокруг трубы центрального отопления. Труба входила в подвал примерно на метровой высоте. Над трубой стена была добротнo залита бетоном. А вот внизу вместо бетонного раствора оказалась монтажная пена. Пена была покрашена в несколько слоёв в цвет стены, стояла бы вечно, и никто бы никогда не уличил рабочих в разгильдяйстве. Коля же был им безмерно благодарен. Он ногтями крошил монтажную пену, тихонько забирая её к себе – чтобы куски не сыпались на улицу, они, конечно, лёгкие, упадут почти без звука, но и шорох в ночной тишине может привлечь внимание. По темноте, которую Коля увидел через дыру, он понял, что они выйдут на второстепенную улицу, «лишь бы не во двор отделения, там может быть забор. Ничего, разберёмся, главное выйти из здания».

Дыра оказалась вполне достаточной, чтобы сам Коля в неё легко проскочил, «Ване будет труднее». И Коля, чтобы расширить лаз, принялся сдирать с трубы что-то похожее на рублид и утеплитель под ним. Утеплитель крошился, попадал в нос и глаза. Больше всего в эти секунды он боялся чихнуть... «Ну вот, теперь и Ваня легко пройдёт», – довольно подумал Коля и бросился за товарищем.

...Прошло совсем немного времени, когда друзья закурили на берегу Даугавы.

– Выскочили, Вань!

– Выскочили, Коль, – ответил Иван, доставая из карманов документы, деньги и телефон товарища. – Принимай без описи! Теперь расходимся в разные стороны, ты схоронись где-нибудь, дня через два-три я тебя найду. – Видя удивление товарища, добавил. – Племянник звонил, бандиты его прижали, надо помочь. Я быстро.

– Нет, Иван. Я тебя не отпущу одного, у вас там бардак в неньке. Да и я тут один спалюсь! Идти мне не к кому, в гостиницы нельзя, на вокзалы нельзя. А нас с тобой наверняка в розыск объявят, по телевизору покажут, не зря нас этот, который теперь одноглазый, в ресторане в наручниках сфотографировал. Мою азиатскую рожу быстро сдадут добропорядочные горожане.

– Ладно, брат. Ты прав. Спрятаться тебе здесь негде. И я в этом городе одного только человека знаю. Но к ней нельзя, Люцию сейчас наверняка под наблюдением будет. Поедешь со мной. Только работать буду я один. Хорошо-хорошо, ты меня подстрахуешь.

– Ты оружие-то прихватил с собой?

– Взял кое-что.

– Смотри, а мы здесь вчера утром купались!

– Точно, здесь. Как удачно сложилось – таксисту не надо долго объяснять, где нас забрать, – проговорил Иван, доставая визитку латыша, который возил их вчера по Риге. – Надеюсь, из Полоцка он уже вернулся.